

Учеба и развитие профессиональной идентичности студентов России и Украины¹

О.Р. Белова, Ю.Р. Вишневецкий, М.В. Певная

В статье продолжен анализ результатов изучения ценностных ориентаций и установок в сфере профессионального образования университетской молодежи двух крупных городов России (Екатеринбург) и Украины (Харьков) – Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина (УрФУ) и Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (ХНУ). Рассматривается влияние учебы на устойчивость профессионального выбора студентов, выявляются типы профессиональной идентификации.

Ключевые слова: профессиональный выбор, его стабильность, учеба, профессиональная идентификация студентов, её типы.

У статті продовжено аналіз результатів дослідження ціннісних орієнтацій і установок у сфері професійної освіти університетської молоді двох великих міст Росії (Єкатеринбург) і України (Харків) – Уральського федерального університету імені першого Президента Росії Б.М. Єльцина (УрФУ) і Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна (ХНУ). Розглядається вплив навчання на стійкість професійного вибору студентів, виявляються типи професійної ідентифікації.

Ключові слова: професійний вибір, його стабільність, навчання, професійна ідентифікація студентів, її типи.

У артыкуле працягнуты аналіз вынікаў вывучэння каштоўнасных арыентацый і установак у сферы прафесійнай адукацыі універсітэцкай моладзі двух буйных гарадоў Расіі (Екацерынбург) і Украіны (Харкаў) – Уральскага федэральнага ўніверсітэта імя першага Прэзідэнта Расіі Б.М.Ельцына (УрФУ) і Харкаўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя В.Н. Каразіна (ХНУ). Разглядаецца ўплыў вучобы на ўстойлівасць прафесійнага выбару студэнтаў, выяўляюцца тыпы прафесійнай ідэнтыфікацыі.

Ключавыя словы: прафесійны выбар, яго стабільнасць, вучоба, прафесійная ідэнтыфікацыя студэнтаў, яе тыпы.

In the article authors continue the analysis of results of the study of value orientations and attitudes in the field of professional education of the university students in two large cities of Russia (Yekaterinburg) and Ukraine (Kharkiv). Two universities come under review - Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (UrFU) and Kharkiv National University named after V.N. Karazin (KNU). The impact of education on the sustainability of the professional choice of students is examined, types of professional identification are defined.

Key words: professional choice, sustainability, education, professional identification of students, its types.

Развивая идеи нашей предыдущей статьи², обратим внимание на роль учебы в дальнейшем переосмыслении студентами своего профессионального выбора, его оценки с учетом нового опыта (освоение профессиональных знаний, умений, навыков, компетенций; взаимодействие с преподавателями и студентами; взаимодействие – для работающих студентов или в период практики – с трудовыми коллективами).

При этом важно преодолеть бытующее отождествление выбора профессии и выбора конкретной формы и направленности профессиональной подготовки. В конечном счете, выбор вуза, специальности, направления является и выбором молодым человеком своего места в социально-профессиональной структуре общества, определяя его перспективную принадлежность к определенной профессиональной группе. Во многом этот выбор обусловлен социальным престижем этой профессии, профессиональной группы, в нем непосредственно или косвенно отражается социальная стратификация общества. Профессиональная стратификация, по П.А. Сорокину, – одна из трех основных форм социальной стратификации, наряду с экономической и политической. Подчеркивалась их взаимосвязь, соотносимость позиции личности в каждой из них, и одновременно – возможность ситуации, когда «различные слои каждой из форм не полностью совпадают друг с другом. Вернее, они совпадают друг с другом, но лишь частично, то есть до определенной степени»³. Разграничивая внутри

¹ Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК № 14.740.11.0224.

² Белова О.Р., Вишневецкий Ю.Р. Профессиональный выбор студентов России и Украины: сравнительный анализ // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2011. №948. С.229-233. В статье анализировались результаты международного исследования (рук. проф. Л.Г. Сокурянская) студентов УрФУ (N = 320 чел.; 29% – муж.; 71% – жен.; 44% – студенты I курса, 56% – IV) и ХНУ (N = 328; 28% – муж.; 72% – жен.; 53% – студенты I курса; 47% – IV). Их анализ продолжен в данной статье.

³ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 302, 354.

профессиональную и межпрофессиональную стратификацию, П.А. Сорокин особо выделял – как основание последней – роль «уровня интеллекта» (уровня компетентности), который необходим для «успешного выполнения профессиональных обязанностей». Применительно к внутривидовой стратификации им был выявлен феномен «профессионального феодализма», когда «разница зарплаты и разница социального положения» работника во многом определяются различиями не в уровне интеллекта, а иными факторами.

Среди факторов профессионального выбора, как все чаще отмечается современными социологами, особую роль играет *социальный капитал*. В этом ракурсе значима трактовка П. Бурдьё социального капитала как «ресурсов», которые основаны на «отношениях в группе членства» и «родственных отношениях»¹. Обобщая, Дж. Коулмен соотносил социальный капитал с «включенностью человека в социальную структуру»².

В идеале выбор профессии – результат соотнесения человеком своих внутренних ресурсов с требованиями профессии. В реальных ситуациях многое зависит от глубокой и всесторонней оценки этого внутреннего ресурса: насколько молодому человеку ясны и понятны требования профессии, рассматриваемые не ситуативно, а в перспективе – с учетом тенденций изменения социально-профессиональной структуры общества, динамики социального престижа профессий? Учтем негативные последствия социальных перемен последних десятилетий на постсоветском пространстве (времени жизни сегодняшних студентов, период их социализации) – деформации профессиональной структуры и профессионального престижа (на основе «сервизации экономики», кризиса ВПК и других отраслей материального производства в постсоциалистических странах), деформации трудовой морали (в плане снижения ценности созидательного труда). И станут понятными возросшие трудности и противоречия профессионального выбора.

За 20 лет реформ ориентиры, траектория и эффективность социального выбора постсоветских стран далеки от четкости и ясности. Но в социуме, чье «самоопределение» серьезно затянулось, представить перспективы той или иной профессии, выбрать её для себя, соотнести себя с ней, принять её нормы, роли и статусы, т.е. осуществить профессиональную идентификацию³, весьма сложно. Выбор профессии все более связан с риском, становится проблемным.

Возникает ситуация, которую образно выразил Э. Гидденс: «У нас нет другого выбора, кроме постоянного выбора»⁴. В этом же направлении действуют и обострившиеся расхождения между уровнем профессионализма и уровнем материального положения по целому ряду традиционных профессий и профессиональных групп (что проявляется в феномене «новых бедных», среди которых весьма велика доля представителей интеллектуального труда, имеющих сравнительно высокий уровень профессиональной подготовки). По оценке Ю. Верлиной (ВЦИОМ), характеристика современного рынка труда – *совпадение представлений о доходных и престижных профессиях*: «Самые доходные и есть самые престижные, при этом они не обязательно должны быть уважаемыми». Уважаемыми, наоборот, являются самые неприбыльные виды деятельности: здесь традиционный список из врачей, учителей, преподавателей. «В советское время было наоборот. Престиж определялся не доходностью, а другими факторами. Теперь же бытует мнение, что если человек работает учителем, то он неудачник»⁵.

Иными словами, нынешняя ситуация в России и Украине усиливает противоречия профессионального выбора.

¹ Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for Sociology of Education. N.Y., 1986. P.21.

² Coleman, J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology, 1988. №94. Pp. 95-120.

³ Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Теория, эксперимент, тренинг. М., Воронеж, 2004; Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность. Теория и методы диагностики. М., 2007.

⁴ Гидденс Э. Современность и самоидентичность // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. РЖ. Сер. 11. Социология. 1994. № 2. С. 14-27.

⁵ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://wciom.ru/issledovanijabiznes/zakaznye-issledovaniya/issledovaniya-chelovecheskikh-resursov/publikacii-v-smi/expert-12102007.html>

И дело не только в том, что выбор абитуриентами вуза зачастую не является *профессиональным* выбором в полном смысле этого слова: в России, например, «до 40% выпускников технических факультетов вузов ежегодно трудоустраиваются не по той специальности, которую приобрели в вузе¹. Сходные ответы дали и участники нашего опроса: стремление к практической деятельности по специальности отметили 32% студентов УрФУ и 23% студентов ХНУ. Специфика инструментария позволяет говорить лишь о сходстве, а не одинаковости. Среди желательных форм трудоустройства после окончания вуза для студентов УрФУ особенно значимы создание собственного бизнеса (43%; у студентов ХНУ – 21%) и административно-управленческая деятельность (соответственно – 22% и 10%); для студентов ХНУ – НИР (19%, у студентов УрФУ – 5%) и преподавательская деятельность (в школе, колледже, вузе) (соответственно – 21% и 4%).

И очень сложно определить степень соответствия этих форм и осваиваемой профессии. Но у 13% студентов УрФУ и 20% студентов ХНУ даже к IV курсу нет четких планов на перспективу. К тому же безразличие к осваиваемой профессии (все равно, чем заниматься, лишь бы платили; хотели бы не работать, а посвятить себя семье, детям) проявили соответственно – 11% и 5%. Итак, не конкретизируя, отметим главное – для значительной части выпускников вузов осваиваемая профессия не является «профессией на всю жизнь».

Но воздержимся от повторения стереотипного мнения, что это – следствие несерьезного отношения современной молодежи к выбору профессии.

Во многом это – следствие и отражение медленности и противоречивости реформы образования (особенно – высшего) в наших странах. Различно поведение молодых людей в ситуации выбора. Эмпирические исследования, фиксирующие выбор старшеклассниками вуза, показывают: даже накануне выпуска четко определяются с выбором лишь 30-40% выпускников школ (их доля снижается в массовых общеобразовательных школах, особенно – в сельских – и повышается – в гимназиях, профильных классах, крупных городах). 40-50% составляют колеблющиеся, включая и тех, чей выбор неустойчив. Наконец, велика и доля тех (почти четверть выпускников), кто проявляет безразличие к этому выбору. С учетом распространенности ориентира «вуз!вуз!вуз!» среди абитуриентов до 50–70% – колеблющиеся, неустойчивые, безразличные.

Близки к этому и результаты опроса студентов УрФУ и ХНУ о мотивах выбора ими вуза. Приоритетно стремление стать квалифицированным специалистом в избранной области. Но в общей массе ответов на долю данного мотива приходится лишь 21% (УрФУ) – 22% (ХНУ). К профессиональным (через стремление получить «выгодную», «доходную» профессию) можно отнести и мотив стремления обеспечить стабильный материальный достаток в будущем – соответственно 22% (УрФУ) и 21% (ХНУ). Но все-таки ориентация на социальный и культурный капитал (стремление к высокому социальному статусу; желание стать культурным, высокообразованным человеком; иметь интересный круг общения) оказывается сегодня более значимой – 33% (УрФУ) и 32% (ХНУ).

В ответах респондентов отразилась смена в профессиональной идентификации современной молодежи «идеального образа профессионала» на «идеальный образ жизни», когда выбор профессии становится инструментальным – средством для достижения желаемого образа жизни, путем к жизненному успеху, карьере. В перспективе можно ожидать усиление важности практических мотивов («диплом вуза пригодится в жизни»; желание жить и учиться в большом городе; надежда встретить будущего спутника жизни; чтобы в армию не идти). Ныне их доля – 18% (УрФУ) и 18% (ХНУ).

Социологический анализ профессионального самоопределения студентов не может игнорировать личность субъекта выбора – абитуриента, студента. Э. Бёрн² высказал интересную идею о «реальном человеке»: он «не должен жить по формуле», должен сочетать в своих

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. С.221.

² Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры: Что вы говорите после того, как сказали «Здравствуйте»? пер. с англ. СПб., 1996. С. 200-204; Берн Э. Трансактивный анализ в психотерапии: Системная, индивидуальная и социальная психиатрия: пер. с англ. М., 2001.

действиях и спонтанность, и рациональность, учитывать обстановку и окружение. Сходны теория «самоактуализации» А. Маслоу, соотносившего её с «увлеченностью значимой работой», и теория трансцендентности (способность человека «выходить за рамки самого себя», умение находить новые смыслы) В. Франкла¹. Общая ценностная переориентация в постсоциалистических странах – от «долга перед обществом, Другими» («Раньше думай о Родине, а потом – о себе») к личному успеху – определяет и актуализацию этих идей. Ориентация на «жизнь не по формуле», на «выход за рамки себя» усиливает самостоятельность профессионального выбора². Это проявилось и в нашем опросе: лишь 5% студентов УрФУ и 6% студентов ХНУ отметили, что на их выборе вуза «настояли родители», лишь 1% (в каждом из вузов) объяснил свой выбор желанием унаследовать профессию родителей. Роль учителей и специалистов по профориентации как фактор профессиональной идентификации вообще не прослеживается.

Должна меняться и профориентация – от идущей извне ориентации на профессию к внутренней ориентированности. Кстати, именно такое изменение приблизит все еще бытующее в наших странах понимание профориентации (воздействие на молодежь) к её трактовке в документах МОТ, где государствам рекомендовано постепенно расширять, приспосабливать и гармонизировать системы профподготовки, «чтобы они отвечали потребностям молодых людей и взрослых в получении профессиональной подготовки в течение всей их жизни, во всех секторах экономики, во всех отраслях экономической деятельности и на всех уровнях квалификации и ответственности». Тем самым, основная ориентация профориентации: «помогать любому человеку на основе равенства, без всякой дискриминации развивать и применять профессиональные навыки в своих интересах и в соответствии со своими устремлениями, учитывая интересы общества»³. Итак, на первом плане интересы и потребности личности, молодого человека.

Поступив в вуз, студент, руководствуясь своими интересами и потребностями, не завершает, а продолжает в процессе учебы, по М. Веберу, взвешивать и совершать «выбор между ценностями... как ему велит его совесть и его мировоззрение»⁴.

Удовлетворенность студента выбором вуза проявляется уже в ощущении значимости желания стать высококвалифицированным специалистом как мотива успешной учебы. По результатам опроса, среднебалльная оценка (диапазон от +2 /очень сильное влияние/ до -2 /очень слабое влияние/) отразила преобладание мнения: такое влияние сказывается лишь «отчасти» (у студентов УрФУ – 1,06; ХНУ – 1,15). Выявилось и противоречие: влияние интереса к изучаемым дисциплинам несколько выше (у студентов УрФУ – 1,37; ХНУ – 1,27). Впрочем, это противоречие объяснимо уже отмеченным разрывом между профессиональным выбором и стремлением получить высшее образование. Интерес к учебе сильнее, чем интерес к осваиваемой профессии. Хотя и сам этот интерес (по среднебалльной оценке) не очень высок (у студентов УрФУ – 1,00; ХНУ – 0,92).

В рамках исследования изучались и другие важные аспекты отношения к учебе (в ракурсе профессиональной идентификации):

- успеваемость в школе и вузе: она – достаточно высока, но тенденции различаются (по УрФУ снижение от 4,32 в школе до 4,17 в вузе, по ХНУ, напротив, рост – с 4,18 до 4,38);
- систематичность занятий на протяжении семестра (выявлено, что студенты обоих вузов сходны – среднебалльные оценки по этому параметру низки: по УрФУ – 0,27; по ХНУ – 0,44). Очевидно, и новым поколениям студентов не удастся преодолеть стереотип «от сессии до сессии живут студенты весело»;

¹ Франкл В. Самотрансценденция как феномен человека // Человек в поисках смысла: пер. с англ. СПб., 1990. С. 54-69.

² Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988.

³ Конвенция МОТ № 142 о профессиональной ориентации и профессиональной подготовке в области развития людских ресурсов (Женева, 23 июня 1975 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kadrovik.ru/docs/08/konv.mot.23.06.75n142.htm>

⁴ Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М., 1990. С. 148

- регулярность посещения занятий и активность работы на них (по этому параметру оценки одинаковы – 0,71, отражая невысокую активность студентов и медленное внедрение в учебную практику наших вузов активных форм обучения);
- как дается освоение учебного материала? (и тут завидное единство – преобладает мнение об относительно легком освоении – среднебалльная оценка 0,47);
- учатся ли в полную меру своих сил и способностей? (выявлено: самореализация многих студентов в учебе происходит относительно легко – по данному параметру среднебалльная оценка у студентов УрФУ – 0,16, у студентов ХНУ – 0,24). Еще острее эта проблема проявилась в ответах на вопрос «Работаете ли Вы сверх установленной программы» – среднебалльные оценки отрицательны: по УрФУ – -0,75, по ХНУ – -0,39);
- наконец, выявлялась и степень практического использования осваиваемых знаний – изучение иностранных языков и умение работать в Интернете. Лишь 1 из каждых 6 респондентов (17% /ХНУ/-18% /УрФУ/) практически не использует знание иностранных языков. У остальных – на первом месте – информационно-коммуникативные мотивы: 63% студентов УрФУ и 45% студентов ХНУ это знание помогает работать в Интернете; 47% и 40% – общаться с иностранцами. Кроме этих, косвенных индикаторов важности изучения иностранного языка в профессиональном и личностном становлении студентов, выявлены и прямые – каждый четвертый (23% в УрФУ; 25% – в ХНУ) использует их для чтения литературы по специальности; каждый пятый (21% – и УрФУ, и в ХНУ) – для работы в иностранных фирмах, подготовки к временной работе за рубежом; каждый пятый (в УрФУ – 18%) и каждый третий (в ХНУ – 37%) – для продолжения учебы. Профессиональная направленность компьютерных умений проявляется менее четко: лишь 28% студентов УрФУ и 15% студентов ХНУ используют Интернет в поиске информации о трудовых вакансиях; 10% и 5% – для заработка (программирование, поиск информации). Наряду с коммуникативно-информационными мотивами значимо и использование Интернета в учебных целях. Но тут есть и негативный оттенок – соотношение поиска информации и поиска готовых рефератов, курсовых работ и т.д. («скачивание») у студентов УрФУ 5: 4; у студентов ХНУ – 14: 8. Тем самым, выявился серьезный перекокс в информационной культуре наших респондентов.

Обобщая результаты нашего исследования с использованием кластерного анализа, можно (по методике Л.Б. Шнейдер¹) выделить в структуре массива основные типы профессиональной идентичности:

- *позитивная профессиональная идентичность* (уверенность в верности своего выбора; понимание значения выбранной профессии и своей профессиональной роли; наличие четкого образа профессии; стремление к профессиональной карьере) – 32% среди студентов УрФУ; 41% – среди студентов ХНУ;
- *диффузная идентичность* (сомнение в выборе профессии; нечеткость образа профессии и выбранной, и «иных»; ориентация на завершение обучения в вузе как основы жизненного успеха, готовность ко «второму» высшему или поствузовскому образованию) – 44% среди студентов УрФУ; 35% – среди студентов ХНУ;
- *псевдопозитивная идентичность* (уверенность в правильности своего выбора; оценка профессии на основе традиций, стереотипов; ориентация на работу по профессии как долг, обязанность) – 12% среди студентов УрФУ; 14% – среди студентов ХНУ;
- *мораторий* (неуверенность в своем выборе; поиск иных путей профессионального выбора; учеба – по инерции, нередко сочетаемая с другими формами обучения) – 7% среди студентов УрФУ; 8% – среди студентов ХНУ;
- *кризис идентичности* (осмысление неправильности своего выбора, стремление к смене вуза, факультета, осваиваемой профессии) – 5% среди студентов УрФУ; 2% – среди студентов ХНУ.

¹ Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Теория, эксперимент, тренинг. М., Воронеж, 2004; Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность. Теория и методы диагностики. М., 2007.

Конечно такая типология условна (объект анализа – не конкретная профессия, а разные профессии; сказываются и особенности выборки – в ХНУ больше гуманитариев и естественников, нет «технарей»; в УрФУ – каждый пятый – «технарь», больше респондентов социально-экономического профиля). И все-таки такая информация может быть весьма полезной при разработке стратегии развития вузов.

Итак, сегодня учеба не смягчает противоречивость выбора профессии. В этих условиях соответствующие выводы должны сделать не только работодатели (о чем пишут достаточно часто), но и педколлективы вузов. Нужно четче определиться с профилем подготовки (особенно – с сочетанием профессиональной и общей направленности), с учетом: для студентов все менее высшее профессиональное образование является профессиональным и все более – общим высшим. Помочь вузам в этом – серьезная задача социологов, которым нужно прислушаться к мнению своих коллег П. Бергера и Т. Лумана: «Главный для социологической теории вопрос может быть поставлен следующим образом: каким образом субъективные значения становятся объективной фактичностью?»¹

¹ Бергер П., Луман Т. Конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 19.